

Церковные документы северных православных епархий периода позднего социализма в СССР как исторический источник

Oleg Mołodow (О.Б. Молодов)

INSTYTUT SPOŁECZNO-GOSPODARCZEGO
ROZWOJU TERYTORIÓW
ROSYJSKA AKADEMIA NAUK

ABSTRACT

Church documents of the northern Orthodox dioceses in the USSR from the period of “late socialism” as a historical source

The article deals with the analysis of archival documents for the 1960–1980s deposited in the diocesan administrations of the Northern dioceses of the Russian Orthodox Church. This set of sources is poorly understudied, as modern historians generally use materials of Federal and regional state archives. The author characterizes the different groups of Church documents from the point of view of their form, content and informational opportunities for the study of the history of Orthodoxy in the Russian North. The article is prepared on records of the Church archives of the Arkhangelsk and Vologda dioceses. It is intended for researchers of Church history and law, and for all who are interested in the sources on the history of the USSR of the period of “late socialism”.

KEY WORDS: The Russian Orthodox Church, diocese, parish, archives, historical source, Church records

SŁOWA KLUCZOWE: Rosyjska Cerkiew Prawosławna, diecezja, parafia, archiwa, źródła historyczne, rejestry kościelne

В процессе изучения государственно-церковных отношений советского периода отечественной истории (1917–1991 гг.) исследователи обычно обращаются к фондам государственных архивов, где содержатся документы, касающиеся организации и деятельности Русской православной церкви (далее – РПЦ) и других конфессий. Действительно, богатый комплекс источников за 1940–1980-е гг. содержится именно там, поскольку в течение последних десятилетий документы передавались в фонды Совета по делам религий при Совете Министров СССР (до создания единого органа – Совета по делам РПЦ и Совета по делам религиозных культов) и его региональных уполномоченных. Кроме того, информацию о жизнедеятельности отдельных приходов РПЦ, епископата и духовенства можно встретить в фондах государственных организаций городского и районного уровня¹. Как отмечает Николай Митрохин, большинство авторов «пошли по максимально простому пути [...] и занимается интерпретацией разрозненных фактов, заключающихся в том, что колхозники села такого-то такой-то области подали заявление об открытии церкви [...] и им было это разрешено, запрещено или что уполномоченный написал епископу такой-то ответ на такое-то прошение»². Вполне естественно, что использование документов только государственного происхождения приводит к одностороннему

¹ О. Молодов, *Документы государственных архивов Архангельской и Вологодской областей как источник для изучения государственно-церковных отношений в 1960–1980-е гг.* [в:] *Общество и архивы: диалог, открытость и перспективы*, Петрозаводск 2008, с. 70–73.

² Н. Митрохин, *Болезнь под названием «фонд уполномоченного» или несколько страниц об актуальных проблемах изучения религиозности в СССР*, «Государство, религия, церковь в России и за рубежом» 2012, 3–4, с. 507–508.

восприятию и оценке происходивших в исследуемый период событий в сфере государственно-конфессиональных отношений.

Для достижения объективности и всесторонности исследований в данной сфере требуется расширение комплекса источников, а также методов их интерпретации. Как отмечалось выше, лишь немногие ученые-историки обращаются к документам церковного происхождения, избегая архивохранилищ РПЦ. Данное обстоятельство объясняется их определённой закрытостью для светских исследователей. Материалы церковных архивов содержатся в епархиальных управлениях РПЦ, а доступ к ним осуществляется исключительно с благословения правящего архиерея.

В данной работе нами сделана попытка оценить состав и содержание сохранившихся архивных документов двух православных епархий Европейского (Русского) Севера периода позднего социализма – 1960–1980-х годов. В указанные десятилетия полноценными единицами церковного управления в этом регионе были Архангельская и Холмогорская епархия, охватывавшая обширные территории Архангельской и Мурманской областей, а также Коми АССР, и Вологодская и Великоустюжская епархия, территориально совпадавшая с Вологодской областью. Епископские кафедры и епархиальные управления располагались в областных центрах – городах Архангельске и Вологде.

Сложности в изучении внутрицерковной документации возникают и в связи с тем, что архивы данных епархиальных управлений находятся на стадии становления и носят оперативный характер: как правило, в них нет профессиональных архивистов, специальные помещения для работы исследователей не предусмотрены, документы должным образом не упорядочены. Например, в Вологодском епархиальном управлении делопроизводственная документация за 1960–1980-е гг. не подшита и заключена в папки. В Архангельском епархиальном управлении

систематизация документов началась и уже создано несколько архивных фондов. Невелик и общий объём хранящихся там документов. Некоторая часть источников была утрачена при переезде управлений в новые здания. Иногда управляющие епархиями при переводе на другое место служения изымали документацию, связанную с периодом их пребывания на епископской кафедре. Последнее отчасти объясняется тем, что подготовленные владыками документы набирались на пишущей машинке и после рассылки адресатам оставались в единственном экземпляре. Имеются примеры, когда на новом месте службы они служили образцами для подготовки аналогичных указов и инструкций для епархиального клира и верующих. В частности, таким документом является «Памятка о правах и обязанностях настоятелей приходов Русской Православной Церкви», составленная епископом Михаилом (Мудьюгиным) в бытность его на Астраханской кафедре в 1971 г., а в 1979 г. распространённая по приходам Вологодской епархии, куда он был переведён.

Епархиальная структура РПЦ и архиерейское служение были восстановлены только в середине 1940-х гг., когда наметилось некоторое «потепление» в сфере отношений государства и Церкви, поэтому материалы довоенного периода церковной истории в епархиальных управлениях отсутствуют. Этим отчасти объясняются хронологические рамки нашего исследования, охватывающие период относительной стабильности государственно-церковных отношений в СССР. Нижняя граница исследования (начало 1960-х гг.) определена в связи со значительными переменами в общественной и церковной жизни страны. С одной стороны, с принятием новой Программы КПСС, провозгласившей очередной задачей строительство коммунизма в СССР, предстояло полное искоренение всех религиозных проявлений. Вместе с тем в 1961 г. вносятся поправки в Положение

об управлении РПЦ, существенно изменившие систему приходского управления и статус православного духовенства. Верхняя граница исследования – конец 1980-х гг. – ознаменовала начало нового этапа государственно-церковных отношений, связанного с коренной «перестройкой» общественной жизни в стране и прекращением гонений на Церковь.

Каков же состав документов текущих архивов Архангельского и Вологодского епархиальных управлений? Их подавляющее большинство принадлежит к управленческой документации. Это организационно-распорядительная, отчётно-статистическая документация управляющих епархией и служебная переписка.

К первой группе можно отнести циркуляры, распоряжения, определения и указы правящего архиерея. Выстроить иерархию этих правовых актов, часть из которых носит нормативный характер, весьма сложно, поскольку их система в разных епархиях имеет некоторые отличия.

Циркуляры управляющего епархией издавались, судя по сквозной нумерации, нечасто. В Вологодском епархиальном управлении их было около пятидесяти, но сохранилась лишь половина, относящаяся к периоду пребывания на кафедре архиепископа Михаила (Мудьюгина) с 1980 по 1990 год.

С помощью циркуляров, обычно занимавших одну-две страницы машинописного текста, архиерей устанавливал обязательные для всех священнослужителей и церковных служащих епархии правила поведения. Например, регламентировались командировки, выезды и отпуска клира (№ 4 от 13 сентября 1980 г., № 2/38 от 23 июля 1986 г.), организация делопроизводства в приходах (№ 10 от 28 июля 1980 г.), порядок ношения духовной одежды священнослужителями (№ 3/17 от 30 апреля 1981 г.), процедура приёма-передачи прихода одного настоятеля другому (№ 1/23 от 11 февраля 1982 г.),

вопросы дисциплинарной ответственности клириков. В констатирующей части циркуляров обычно раскрывались проблемы и трудности управления православными приходами. В одном из них владыка Михаил отмечал практику хранения настоятелями документов «в разрозненном и полусмятом состоянии, что свидетельствует о пренебрежительном отношении к ним и вообще к распоряжениям епархиального руководства» (№ 10 от 28 июля 1980 г.). В другом циркуляре говорилось о «позорных случаях»: настоятели увозили с собой при переводе на другой приход не только циркуляры и указы, но и принадлежащие храму богослужебные книги, церковную утварь (№ 1/23 от 11 февраля 1982 г.).

Посредством циркуляров регламентировалось также использование культового имущества: кадила (№ 10/46 от 11 ноября 1987 г.) и кагора для причащения (№ 7/36 от 16 ноября 1985 г.). Кроме того, в этих актах архиерей толковал церковные правила, нормы канонического права и действующего законодательства о религиозных культах. Часто они касались отпевания самоубийц (№ 8/22 от 25 декабря 1981 г., № 5/29 от 20 декабря 1983 г.), исполнения треб на дому (№ 2/48 от 3 марта 1988 г.), нового порядка регистрации православных обрядов (№ 2/49 от 17 мая 1989 г.).

Анализ содержания некоторых циркуляров убеждает, что церковные иерархи поддерживали важные направления внутренней и внешней политики советского государства, в частности, борьбу за мир (№ 4/18 от 25 июня 1981 г.) и антиалкогольную кампанию М.С. Горбачёва (№ 3 от 24 мая 1985 г.).

Своими распоряжениями архиереи совершали награждение клириков и мирян церковными наградами, обращались с просьбой о направлении финансовых средств на ремонт монастырей и храмов (например, в 1984 году – на ремонт Успенской церкви г. Белозерска Вологодской области и Свято-Данилова монастыря в г. Москве).

Определения, издаваемые по Вологодской епархии, относились обычно к культовым проблемам (канонизации местночтимого святого Николая Рынина от 27 июня 1988 г.) или фиксировали изменения во внутрицерковной жизни (включение в число приходов Свято-Троицкой общины г. Тотьмы от 21 октября 1988 г.).

В Архангельском епархиальном управлении, напротив, определения составлялись по кадровым вопросам (увольнение священнослужителей за штат, наложение дисциплинарных взысканий), а указы уведомляли о принятых решениях. В частности, в тексте указа от 24 июня 1980 г. № 191 значится: «Моим определением за № 23 от 24.06.1980 г. Вы назначаетесь с 1 июля с.г. настоятелем Свято-Никольского храма с. Юрьев-Наволоок Красноборского района для пользы службы. Епископ Архангельский и Холмогорский Исидор»³.

Анализ данной группы документов свидетельствует, что большинство определений относится к актам толкования норм церковного права и светского законодательства о религиозных культах, а кадровые и дисциплинарные установления – к актам применения норм права в отношении физического лица и конкретной ситуации. В целом комплекс нормативных документов освещает актуальные проблемы церковной жизни в исследуемый период, качественный состав духовенства, в том числе в контексте соблюдения причтом норм канонического права, гражданского культового законодательства и требований морали.

Информационно насыщенным источником (по причине развёрнутого содержания) являются годовые отчёты управляющих архиереев Вологодской епархии в Московскую патриархию. При этом отчёты 1960-х гг. – периода служения епископов Мстислава (Волонсевича) и Мелхиседека (Лебедева) – самые объёмные и насчитывают до двадцати и более страниц машинописного текста. Они написаны эмоциональным языком, более характерным для

литературных произведений, чем для канцелярских документов. Например, «замечателен храм, расположенный на высоком берегу реки Сухоны, протекающей среди необозримых лесных массивов, чарует неповторимой красотой, и с ней находится в полной гармонии красота простых верующих человеческих сердец»⁴ или «с печалью приходится сказать о том, что очень трудное положение [сложилось] в некоторых сельских приходах, где служат священники, утруждённые глубокой старостью и болезнями»⁵.

Архиепископ Михаил (Мудьюгин) и епископ Мефодий (Мензак) составляли более лаконичные отчёты – до десяти страниц текста, что объясняется их личными качествами, а также спецификой обстановки в период их деятельности. В них управляющие епархией доводят до сведения руководства Патриархии насущные проблемы, среди которых: взаимоотношения с региональными уполномоченными Совета по делам религий, материальное состояние приходов, трудности с кадрами, распространение сектантства и «самочинных требоисправителей»⁶. Приложения к отчётам содержат статистические данные о количестве действующих приходов, движении духовенства (прибытие и убытие из епархиального клира, его причины), возрастном и национальном составе, образовательном уровне клириков. Несмотря на утрату многих документов, они отражают динамику некоторых процессов (постепенное омоложение духовенства, рост его образовательного уровня, национальные особенности состава клира) в 1960–1980-е гг., позволяют провести их сравнительное исследование. В частности, по ежегодным отчетам управляющих Архангельской епархией в совокупности с материалами фонда уполномоченного Совета по делам религий удалось выявить предпосылки и масштабы украинизации клира в период позднего социализма⁷.

Годовые отчеты по Архангельской епархии, сохранившиеся за 1977–1984, 1986–1989 гг., представляют

4 Текущий архив Вологодского епархиального управления, Годовой отчет за 1965 г., с. 13.

5 Там же, Годовой отчет за 1966 г., с. 5.

6 В период 1940–1980-х гг. ввиду незначительного количества действующих приходов массовое распространение получило такое явление как крещение детей (реже отпевание усопших) вне церкви «бабушками», предусмотренное церковными канонами лишь в исключительных случаях. В церковной среде эти случаи именовались как «самочинные требоисправления».

7 О. Молодов, *Украинизация клира Архангельской православной епархии в 1950–1980-е гг.*, «Вестник Екатеринбургского института» 2014, 2, с. 121–124.

8 Текущий архив Архангельского епархиального управления, Ф. 5. Оп. 1. Д. 7, 11, 13.

9 Там же, Ф. 5. Оп. 2. Д. 7.

собой предельно краткие (один-два листа машинописного текста) и одинаковые по форме сводки о состоянии дел. Их также дополняют приложения, содержащие конкретные данные о числе священнослужителей, их положении в иерархии (сане), национальности и уровне духовного и светского образования, основаниях перевода на другой приход или в другую епархию.

Переписка в большей степени, чем иные источники, наполнена конкретными фактами и может быть поделена на три группы по корреспондентскому признаку: заявления и жалобы (индивидуальные, коллективные), переписка клира и мирян с управляющим епархией, а также епископа с государственными органами и должностными лицами.

Переписка Архангельского епархиального управления (рапорты, письма, телеграммы) сгруппированы в архивных делах по отдельным приходам (Успенская церковь г. Вельска, Лазаревская церковь г. Онеги, Стефановская церковь г. Котласа и т.п.)⁸. Листы в делах пронумерованы, но на момент проведения исследования не подшиты. Значительная часть материалов переписки так или иначе касается проблемы дефицита кадров духовенства и чаще всего содержит просьбы общин верующих направить священника на вакантный приход или сменить настоятеля, не пользующегося авторитетом у прихожан. Нередко сами клирики обращались к архиерею с ходатайством об их переводе на менее удалённый от города и, соответственно, более богатый приход или в другую епархию. «Положение моё личное на приходе катастрофическое – живу в бедной грязной избе, [...] ни о каком улучшении жилья речи быть не может», – писал епископу Иннокентию иеромонах Варнава (Улитин) из села Ямского Котласского района в апреле 1962 года. В мае того же года он просил у архиерея перевода на приход, где есть возможность жить в более достойных условиях⁹.

Самостоятельную группу образует переписка правящих архиереев друг с другом. Это, как правило, запросы на священнослужителей, увольнительные (отпускные) грамоты управляющего епархией, получаемые при переводе в другую епархию. Они оформлялись на типовых бланках с угловым штампом епархиального управления, регистрировались в книге входящих и исходящих документов. В них содержатся ссылки на нормы канонического права, касающиеся перевода клириков, и их краткие персональные характеристики. Например, «диакон Н. С-р под духовно-каноническим судом и следствием не состоит и находится в молитвенном общении с Московской Патриархией»¹⁰. К увольнительным грамотам при пересылке прилагались личные дела священнослужителей.

Подлинники и копии отдельных внутрицерковных документов нормативного характера и служебной переписки отложились в государственных архивах, в основном – в фондах уполномоченного по делам религий по Архангельской и Вологодской областям. Однако в относительно полном виде они представлены только в архивах епархиальных управлений. Содержание этих документов, несмотря на специфику формы и языка, существенно расширяет представления о внутрицерковных проблемах и региональных особенностях государственно-церковных отношений в 1960–1980-х гг. Наиболее ценные сведения текущих архивов епархиальных управлений относятся, на наш взгляд, к характеристике православного клира как особого социального слоя советского общества. Документы епархиальных архивов в совокупности с материалами государственных архивных учреждений Европейского Севера и иными (например, мемуарными) источниками способны обогатить любое исследование по истории христианства, сделать его более объективным.

Библиография

- Митрохин Н., *Болезнь под названием «фонд уполномоченного» или несколько страниц об актуальных проблемах изучения религиозности в СССР, «Государство, религия, церковь в России и за рубежом»* 2012, 3–4, с. 505–511.
- Молодов О., *Документы государственных архивов Архангельской и Вологодской областей как источник для изучения государственно-церковных отношений в 1960–1980-е гг.* [В:] *Общество и архивы: диалог, открытость и перспективы*, Петрозаводск 2008, с. 70–73.
- Молодов О., *Украинизация клира Архангельской православной епархии в 1950–1980-е гг.*, «Вестник Екатеринбургского института» 2014, 2, с. 121–124.
-